

Лидия Бартошевич

К характеристике так называемого старого плюсquamперфекта и его истории в русском языке

Studia Rossica Posnaniensia 3, 127-135

1972

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ЛИДИЯ БАРТОШЕВИЧ

Познань

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО СТАРОГО ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТА И ЕГО ИСТОРИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Исследуя изменения временной системы глагола, которым подвергался русский язык на протяжении своей длительной истории, наблюдаем ряд интересных явлений. Современный русский язык характеризует только одно прошедшее время глагола, хотя, как известно, в древнерусском языке, как и в старославянском, было четыре прошедших времени: аорист, имперфект, перфект и плюсквамперфект. Эта временная система, характеризовавшая русский язык эпохи древнейших памятников письменности, рано подверглась разрушению. Из прошедших времён довольно рано исчезли аорист и имперфект, функции которых принял на себя перфект. Сложные же прошедшие времена, претерпевая некоторые изменения в своей структуре, сохранились на протяжении почти всего древнерусского языка.

В древнерусском языке плюсквамперфект представлял собой особую сложную форму, которая употреблялась, согласно распространённому мнению, для обозначения прошедшего действия, предшествовавшего другому прошедшему, или вообще давнопрошедшего действия¹. Однако относительно его морфологической структуры и способа обозначения действия нет единогласия среди языковедов. Разногласия эти касаются прежде всего вопроса, сколько было типов (два или три) плюсквамперфекта и что конкретно придаёт оттенок предшествования действия в прошлом раньше другого действия.

Исследованные нами памятники древнерусской письменности², всё-таки

¹ О разницы в значении давнопрошедшего действия от преждепрошедшего подробнее см.: С. Д. Никифоров, *Глагол. Его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века*, Москва 1952, стр. 165.

² Наши наблюдения проведены на основании следующих источников: *Остромирово Евангелие 1056 - 57* (Санкт—Петербург 1843), *Повесть временных лет* (ч. I, Москва—Ленинград 1950), *Хождение Афанасия Никитина за три моря* (Ленинград 1947), *Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV - XVI вв.* (Москва—Ленинград 1950), *Любопытный памятникъ русской письменности XV века* (Санкт—Петербург 1884) и принято во внимание все отрывки памятников, включенные в *Хрестоматию по древней русской литературе*

убеждают, что в русском языке древнейшей эпохи выступало три разных по структуре типа плюсквамперфекта, различавшихся временными формами вспомогательного глагола *быти*: 1) аорист вспомогательного глагола + причастие на *-ль* (*бѣхъ неслъ*), 2) имперфект вспомогательного глагола + причастие на *-ль* (*бѣахъ* или *бяхъ неслъ*), 3) перфект вспомогательного глагола + причастие на *-ль* (*есмь былъ читалъ*). К тому же ещё надо отметить, что порядок элементов плюсквамперфекта не был строго закреплённым, мог быть обратным (напр., *огородилося бяше*), и между ними могли выступать другие слова (напр., *...юже бѣ самъ создалъ...* ПВЛ, стр. 188). Также дополнительного разъяснения требует структура второго типа плюсквамперфекта, потому что в памятниках древнерусской письменности встречаем стяженные (*бяхъ*) и нестяженные (*бѣахъ*) формы имперфекта вспомогательного глагола. Это различие было вызвано употреблением в письменности церковнославянских форм, к которым относится и нестяжённая форма имперфекта типа *бѣахъ*, и древнерусских форм, отличающихся в данном случае стяжением звуков в имперфекте (*бяхъ*), но оно не изменяет общей структуры плюсквамперфекта данного типа.

В лингвистической литературе вполне справедливо принято называть первые два типа плюсквамперфекта старым по форме плюсквамперфектом, употребление которого относится, в первую очередь, к древнейшему времени древнерусского языка. Третий же тип плюсквамперфекта (можно его назвать новым) в отличие от старого выработался и начал распространяться позже³.

Как указывают многие исследователи, старый по форме плюсквамперфект был известен в общеславянскую эпоху и в таком же виде сохранился в старославянском языке, причём в старославянских памятниках он выступает прежде всего с вспомогательным глаголом в форме имперфекта и выражает предшествование одного прошедшего действия другому прошедшему действию⁴. Однако, говоря о значении плюсквамперфекта в старославянском языке, И. К. Бунина уточняет эту формулировку, что „плюсквамперфект указывает на отнесённость действия к периоду времени, предшествующему данному периоду прошлого, т.е. характеризует действие как предпрошедшее в то время, как перфект определяет действие как преднастоящее”⁵.

Большинство отмеченных нами случаев употребления плюсквамперфекта действительно подтверждает, что он использовался для обозначения прежде

XI - XVII веков (сост. Н. К. Гудзий, Москва 1952), в *Хрестоматию по истории русского языка* (сост. С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, ч. 1, изд. 2, Москва 1952), а также Новгородские грамоты на бересте, изданные А. В. Арциховским (Москва 1963), В. Курашкевичем (Варшава 1957), и А. В. Арциховским и В. И. Борковским (Москва 1963).

³ Как правильно уже заметил Ф. И. Буслаев (*Историческая грамматика русского языка*, Москва 1959, стр. 363), плюсквамперфект типа *есмь былъ читалъ* появляется в древнерусском языке с XIII века.

⁴ S. Słoiński, *Gramatyka języka starosłowiańskiego*. Warszawa 1950, s. 116.

⁵ И. К. Бунина, *Система времен старославянского глагола*, Москва 1959, стр. 79.

всего действия, предшествующего другому действию, также совершившемуся до момента речи, напр.: *...и приде на холмъ, идеже бѣ Ларионъ ископаль, печерку...* (ПВЛ, стр. 105), *...Олег же выбѣже из Рязаня, а Мстиславъ, пришед, створи миръ с рязанци, и поя люди своя, яже бѣ заточиль Олегъ...* (ПВЛ, стр. 170).

Во многих случаях плюсквамперфект выражал действие в прошлом, являющееся результатом совершенного ещё ранее действия, и имеет таким образом значение близкое к перфекту, выражая такое же отношение к прошлому, какое к настоящему выражает перфект, т.е. обозначает действие, результат которого наличествует в момент совершения основных событий, излагаемых в этом или в других предложениях. Например, *...того же месяца въ 7 день бысть знаменье в солнци: огородилося бяше солнце в три дуги, и быша другыя дуги хребты к собѣ...* (ПВЛ, стр. 183) — *ограждение солнца* относится к тому же времени, что и *бысть знаменье*, но солнце было ограждённым, так как сам факт ограждения является результатом совершившегося раньше действия. Такое же результативное значение сохраняется и в предложении: *...итларь бысть въ градѣ с лёпшею друженою, в то же время бяше пришель Славята ис Киева к Володимеру от Святополка на нѣкое орудие...* (ПВЛ, стр. 148).

Таким образом, плюсквамперфект обозначал действия преждепрошедшие или давнопрошедшие, но они являлись прежде всего второстепенными, часто периферийными, которые упоминались в связи с основными действиями, напр., *...и приспѣ осень, и помяну Олегъ конь свой, иже бѣ поставил кормити...* (ПВЛ, стр. 29) — главное действие — то, что Олег вспомнил про своего коня, на котором раньше ездил — обозначено формой аориста *помяну*, а действие предшествующее главному — то, что по совету волшебника на этом коне он перестал ездить и велел только его кормить — обозначается плюсквамперфектом *бѣ поставил*.

Говоря о значении плюсквамперфекта, необходимо учитывать тот факт, что вспомогательные глаголы, входящие в состав этой сложной формы прошедшего времени, утрачивают не только своё лексическое значение, но и своё первоначальное грамматическое значение времени. Анализируя формы плюсквамперфекта в „Остромировом Евангелии”, ещё А. А. Потебня уже справедливо заметил, что вспомогательный глагол в плюсквамперфекте „имеет одно только идеальное значение, над которым вещественность причастия берёт перевес”⁶. При входе в состав плюсквамперфекта формы вспомогательного глагола теряют самостоятельное лексическое и грамматическое значение и тем самым образуют единство смысла всего словосочетания (аорист или имперфект от *быти* + причастие на *-ль*), выражая иные временные отношения (в данном случае предпрошедшее или давнопрошедшее действие), чем

⁶ А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, т. I - II, Москва 1958, стр. 261.

те, которые связываются с каждым из элементов данной сложной формы прошедшего времени в отдельности.

Наконец, необходимо ещё отметить, что обозначению предпрошедшего или давнопрошедшего действия, независимо от результативности, способствует то, что плюсквамперфект обычно сочетается с прошедшим временем, выраженным чаще всего формой аориста, соседнего предложения (главного, если плюсквамперфект выступает в придаточном предложении, соседнего самостоятельного, если плюсквамперфект в независимом предложении), напр.: в придаточном — *...преставился Володимеръ, сынъ Ярославль старей, Новѣгородѣ, и положень бысть в святѣй Софьи, юже бѣ самъ создалъ...* (ПВЛ, стр. 188); в независимом — *...Ярополкъ же сруби городъ Жельди дрючаномаъ, их же бѣ полонилъ...* (ПВЛ, стр. 201). Лишь в редких случаях плюсквамперфект сочетается с настоящим или будущим временем, напр., *...Но мы не предняя взвратимся, яко же бяхом прежде глаголали...* (ПВЛ, стр. 168). Но и здесь плюсквамперфект, имея значение относительного времени, выражает предшествующее действие в прошлом до момента речи, соотносясь в этом случае с общим планом повествования.

Как известно, в древнерусском языке употреблялись два типа старого плюсквамперфекта с разными временными формами вспомогательного глагола быти. А. А. Потебня пытался установить закономерности в использовании аористных и имперфектных вспомогательных глаголов, полагая, что имперфект вспомогательного глагола „захватывает момент, далее отстоящий от настоящего, чем момент, обозначаемый аористом”⁷. Относительно этого вопроса несколько другого мнения придерживается А. И. Павлович, утверждая, что „плюсквамперфект второго типа (с вспомогательным глаголом в форме имперфекта) был вида несовершенного”⁸.

Однако, говоря об использовании аористных и имперфектных форм вспомогательного глагола быти в составе плюсквамперфекта, надо иметь в виду, „что значения аориста *бѣхъ* и имперфекта *бѣахъ* были чрезвычайно близки ещё в общеславянском языке”⁹ и что форма *бѣхъ*, „хотя и является по происхождению аористом, в памятниках обычно функционировала в значении имперфекта”¹⁰. По-видимому, поэтому П. С. Кузнецов в своих трудах по исторической грамматике не говорил о каких-либо закономерностях использования этих форм в составе плюсквамперфекта. Нам также не удалось обнаружить каких-либо семантических закономерностей употребления форм *бѣхъ* и *бѣахъ*, кроме того, что плюсквамперфект чаще всего образуется посредством соче-

⁷ А. А. Потебня, ук. соч., стр. 262.

⁸ А. И. Павлович, *Историческая грамматика русского языка*, ч. II, Москва 1964, стр. 214.

⁹ П. С. Кузнецов, *Очерки исторической морфологии русского языка*, Москва 1959, стр. 215.

¹⁰ П. С. Кузнецов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1953, стр. 241.

тания аориста вспомогательного глагола с причастием на *-ль*. Так, например, в „Повести временных лет” встречаем 49 случаев использования аориста и 17 — имперфекта вспомогательного глагола в составе плюсквамперфекта. Здесь уместно указать, что ошибочным является мнение, согласно которому принимается, что в „Остромировом Евангелии” „господствует сочетание типа *бѣахъ* + форма на *-ль*”¹¹, так как в этом памятнике на всех 10 случаев употребления плюсквамперфекта выступает только четыре случая с имперфектом вспомогательного глагола и шесть — с аористом *бѣ*.

Одним из доказательств отсутствия закономерностей в использовании имперфекта и аориста вспомогательного глагола в составе плюсквамперфекта для выражения действия является и то, что иногда наблюдаются колебания между этими формами в одном и том же предложении, напр., *...игумен же приде з двѣма братама; и прокопах велми, и влѣзохом, и видехом лежащъ мощьми, но состави не распалися бѣша, и власи главниши притяскли бяху...* (ПВЛ, стр. 139).

Плюсквамперфект в древнерусском языке употреблялся в разных формах категорий числа и лица. По нашим данным в памятниках древнерусской письменности плюсквамперфект использовался прежде всего в единственном числе и реже во множественном, а в категории лица употреблялся преимущественно в третьем лице единственного числа, реже в третьем лице множественного числа и очень редко в остальных лицах. Например, в важнейшем памятнике древнерусской письменности „Повести временных лет”, в отличие от других памятников имеющей в своём составе наибольшее количество употреблений плюсквамперфекта — 66, наблюдаем следующее распределение плюсквамперфекта по формам категории числа и лица: в единственном числе употреблено 48, в том: в первом лице — 3 и в третьем — 45; во множественном числе — 18, в том: в первом лице — 2, во втором — 2 и в третьем — 14. То, что плюсквамперфект использовался преимущественно в третьем лице независимо от категории числа, объясняется большей частотностью употреблений в языке этой формы по сравнению с другими, самой природой значения плюсквамперфекта и тем, что он выступает прежде всего в повествовании, авторской речи. Надо ещё заметить, что нами не отмечено ни одного употребления плюсквамперфекта в двойственном числе.

В древнерусских памятниках также наблюдаются случаи ошибочных употреблений с морфологической точки зрения старого плюсквамперфекта. Нами отмечено 3 случая нарушения в согласовании компонентов плюсквамперфекта в числе или лице: *...и рече Давидъ: „Нѣту ихъ здѣ”, бѣ бо я послалъ Лучьску...* (ПВЛ, стр. 177), *...Въспѣли бяше птицы жалостные пѣсни, вси въсплакались кнегини и болярыни и воеводины жены избьенных* („Задонщина”, ХДРЛ, стр. 179), *...тоуже к нимъ и сторожеви приѣхаша их же бяхоуть послалъ газыа*

¹¹ П. С. Кузнецов, *Очерки исторической морфологии русского языка*, ук. соч., стр. 214.

ловить... (Летопись по Ипатьевскому списку около 1425 г. — ХИРЯ, стр. 152). Это, повидимому, свидетельствует о том, что плюсквамперфект перестал быть уже активной формой, что он воспринимался как образование искусственное и книжное.

По нашим данным можно судить, что в подавляющем большинстве случаев плюсквамперфект образовывался от основ совершенного вида и обозначал действие завершённое. Но имеются также образования и от основ несовершенного вида, напр.: *бѣ лежало, бѣша видели*. В таких случаях плюсквамперфект, образованный от основ несовершенного вида, выражает действие незавершённое независимо от имперфекта или аориста вспомогательного глагола, входящего в состав плюсквамперфекта. Это свидетельствует о том, что грамматическое значение плюсквамперфекта тоже определяется его видовой принадлежностью.

Следующей важной чертой для плюсквамперфекта является то, что он выступает только в сложных предложениях, причём гораздо чаще выступает в сложноподчиненных предложениях, чем в сложносочиненных. Употребление же в причинных придаточных предложениях является самой заметной синтаксической особенностью старого древнерусского плюсквамперфекта. Большая часть этих причинных предложений соединяется с главным предложением с помощью союза *бо*. Это предложения типа *...матере же чадъ сихъ плакахуся по нихъ, еще бо не бяхуся утвердили вѣроу...* (ПВЛ, стр. 81). Остальные придаточные предложения причины соединены с главным предложением с помощью следующих союзов и союзных слов: *яко, якоже, зане, занеже, аще*. Большинство причинных придаточных предложений с плюсквамперфектом поясняет причину действия субъекта главного предложения и употребляется постпозитивно, что лучше способствует выражению плюсквамперфектом предшествования действия во времени. Обычно действие, поясняемое плюсквамперфектной формой, выражается аористом третьего лица единственного числа или множественного, напр., *...том же лѣтѣ, мѣсяца декабря в 20, приде Мстиславъ, сынъ Володимерь, Новгородци; бѣ бо Святополкъ с Володимеромъ рядъ имѣль, яко Новугороду быти Святополчю* (ПВЛ, стр. 182). Однако сказуемое главного предложения может быть выражено и другими формами прошедшего времени и даже формами не прошедшего времени, напр., *...но мы не предняя взратимся, яко же бяхомъ прежде глаголали* (ПВЛ, стр. 168).

Иногда плюсквамперфект используется в определительных придаточных предложениях, связанных с главным предложением с помощью относительных местоимений *юже, яже, еже, иже* и *который*, напр., *...и повѣда имъ, еже бѣ ему повѣдалъ Давыдъ* (ПВЛ, стр. 174). Во всех придаточных определительных предложениях плюсквамперфект выражает предпрошедшее действие, результат которого наличествует в момент высказывания.

В других разного типа придаточных предложениях старый плюсквам-

перфект использовался редко. В исследованных памятниках письменности нами отмечено шесть случаев его употребления в придаточных предложениях места, присоединенных к главному с помощью *идеже, где, иде*, напр., *...тое же зимы той посласта Берестию брата на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли, той ту блюдь городъ тихъ...* (ПВЛ, стр. 159).

Как ни парадоксально на первый взгляд, но употребление плюсквамперфекта во временных придаточных предложениях в древнерусском языке представляет собой если не случайное, то исключительное явление, потому что в исследованных нами памятниках письменности встречаем только один такой случай — *...Егда бѣ Христось на земли, и еще благодать не укрѣпѣла бѣаше, но дояшеся еше, за 30 лѣтъ, в няже Христось таяшеся...* (Слово „О законе и благодати” митрополита Иллариона — ХДРЛ, стр. 31).

В сложносочиненных предложениях старый плюсквамперфект использовался, как уже указывалось, также, хотя и не часто, и значение его, кроме вышеуказанного, могло иногда соответствовать значению форм простого прошедшего времени, напр., *...В то же время бяше пришедь Славята ис Кыева к Володимеру от Святополка на нѣкое орудие; и начаша думати дружина Ратиборя со княземъ Володимером о погубленьи Итларевы чади...* (ПВЛ, стр. 148). В этом, по-видимому, сказывалось сближение значения форм плюсквамперфекта и перфекта.

В памятниках русской письменности древнейшей эпохи старый плюсквамперфект являлся сначала единой формой выражения предпрошедшего и давнопрошедшего действия. Однако, как известно, с течением времени он начал выходить из употребления. Исчезновение его некоторые языковеды¹² относят к XIII веку, объясняя это явления неупотреблением форм аориста и имперфекта. Наши же наблюдения показывают, что плюсквамперфект в старой форме сохранялся значительно дольше. Мы находим его, хотя в единичных случаях, в памятниках XV века („Житие Стефана Пермского”, *Летопись по Ипатьевскому списку*, „Александрия”) и даже XVI века (*Повесть о Акире премудром*, *Сказание о Псковском взятии*). Несомненно, что одной из главных причин утраты старого плюсквамперфекта является исчезновение имперфекта после начала XII века и аориста с XIII века¹³. Следующей важной причиной было появление уже в XIII веке нового типа плюсквамперфекта с перфектом вспомогательного глагола (*есмь былъ несмь*), который по значению ничем не отличался от старого и постепенно вытеснял его. Уже в „*Повести временных лет*” засвидетельствованы первые случаи употребления нового плюсквамперфекта. Не без влияния также оказался факт, что в незави-

¹² В. В. Иванов, *Историческая грамматика русского языка*, Москва 1964, стр. 105.

¹³ П. С. Кузнецов, *Очерки исторической морфологии русского языка*, ук. соч., стр. 215 - 216.

симых предложениях значение плюсквамперфекта иногда соответствовало значению перфекта. т.е. уже с древнейшей эпохи для перфекта подготавливалась почва. Об этом свидетельствует ещё то, что в некоторых совершенно однородных случаях наблюдаем употребление то форм перфекта, то форм старого плюсквамперфекта, напр., ... *Положи и въ цркви стого Спаса, юже создалъ сам ...* и рядом: ... *и положишиа в церкви святого Михаила, юже бь самъ создалъ ...* (ПВЛ, стр. 196).

В конечном счёте, по этим причинам плюсквамперфект с аористой и имперфектной формами вспомогательного глагола начал быстро исчезать, уступая место новому типу плюсквамперфекта с перфектной формой вспомогательного глагола или сразу перфекту, хотя, как правильно указывает А. И. Павлович¹⁴, в письменности в единичных случаях, особенно в церковно-религиозных памятниках, встречался в XIV - XVI веках.

Условные сокращения

- ПВЛ — Повесть временных лет.
 ХДРЛ — Хрестоматия по древней русской литературе XI - XVII веков (Составил Н. К. Гудзий), Москва 1952.
 ХИРЯ — Хрестоматия по истории русского языка. Составили С. П. Обнорский и С. Г. Бархударов, ч. 1, изд. 2, Москва 1952.

ON THE CHARACTERISTICS OF THE SO CALLED "OLD PLUSQUAMPERFECTUM" AND ITS HISTORY IN RUSSIAN

by

LIDIA BARTOSZEWICZ

The „Old Plusquamperfectum” occurred as a compound form of the „-I participle” and the form of the „Aorist” or the „Imperfectum” of the auxiliary verb, „to be”. The use of either of the forms of the auxiliary verb did not have any influence on denoting the activity, which took place in the pluperfect time. On the basis of the corpus it may be said, that „Plusquamperfectum” appeared predominantly in the third person. It was derived mostly from perfective verbs and used only in compound sentences (most frequently in hypotactic constructions) in which causitive clauses are predominant. Plusquamperfectum occurred when Imperfectum (usually rendered by means of the Aorist) was used in the neighbouring clause directly connected with the clause containing Plusquamperfectum.

The Old Plusquamperfectum, as an artificial and bookish form disappears from the language and a new form of Plusquamperfectum with the perfective form of the auxiliary verb or that of the main verb is used in lieu of it.

¹⁴ А. И. Павлович, ук. соч., стр. 217.

Such factors as: the decline of the Aorist and Imperfectum and the appearance of a new form of Plusquamperfectum in the Russian of the thirteenth century as well as the fact that Imperfectum was in some cases semantically equivalent to Perfectum played an important role in the process of change. The change operated slowly and irregularly which is evident in the religious prose of the fourteenth, fifteenth and the sixteenth century where the Old Plusquamperfectum can be sporadically found.